

В вещественном мире человека всегда присутствовали предметы, имеющие ярко выраженную ритуальную функцию, то есть предназначенные для использования в том или ином сакральном действии. К подобным предметам следует отнести братины.

Ковш-братина. 1888 г., д. Муфтыга, Удорский район

Братины и братчины у коми-зырян

Братина (яндова, ендова, братынна), ковш-братина — сосуд, в котором разносят напитки. Название «братина» относится к сосудам большого размера, имеющим две небольшие ручки, расположенные друг против друга, название «братина-ковш» — к сосудам малого размера с одной ручкой.

В «Домострое», памятнике русской литературы XVI в., в одном из текстов братина описывается как «небольшой горшок с шаровидным корпусом, служащий для питья вкруговую». По мнению ряда исследователей, братина распространилась на Руси ещё с домонгольских времён; в XVI–XVII вв. бытовали медные, деревянные, золотые и серебряные братины разной ёмкости. На братских пирах (поминках, крестинах) братины передавались по кругу, а из братин большой ёмкости напитки черпали ковшами. «Братина, — пишет Н. И. Костомаров, — был сосуд, предназначенный для братской попойки, наподобие горшка с крышкой. Из неё пили, черпая черпаками и ковшами. Братины были разной величины, небольшие употреблялись прямо для питья из них и назывались братынками».

Ендова (яндова) как сосуд для переноса и разлива пива, браги, вина и прочих напитков известен со времён Древней Руси: он имел широкое горло, небольшой носик или рыльце. Изготавливались они из дерева или металла и использовались по-разному: ендовы небольшой ёмкости — как столовая посуда, ендовы ёмкостью от 1 до 6 вёдер — как кухонная.

Братина у коми представляет собой сосуд, выполненный из дерева (преимущественно из капа), чаша которого имеет полусферическую форму с двумя или одной ручками по бокам. Размеры их и объём очень различны: от полутораведёрных и до самых малых — 1–1,5-литровых.

В Национальном музее Республики Коми хранится несколько братин. Одна из них — ковш-братина из села Пучком Удорского района, изготовленная Петром Лукичом Корниловым — мастером объёмной резьбы, распространившейся среди удорских коми в конце XIX — начале XX вв. В настоящее время этот ковш-братина яв-

ляется логотипом Национального музея Республики Коми.

Некоторые братины, бытовавшие на Мезени и Вашке, имеют надписи, расположенные по венчику сосуда снаружи. Одна из них гласит: «Сей ковш сделал государственный крестьянин (непонятное слово) Муфтыжской деревни Александр Гаврилов Игушев 1888 года октября 15 дня». Покупные братины, которые привозились на ярмарки из соседних губерний, типологически можно отнести к ковшам-скопкам северного типа. Такие братины имеют ладьевидную форму, борта выпуклые, дно плоское, одна из ручек выполнена в виде хвоста, другая — в виде утиной головы. Чёрной краской обозначалась шея, глаза и оперение хвоста. По венчику с внутренней и наружной сторон прорисовывалась кайма оранжевого цвета.

Все эти сосуды функционально были связаны с повсеместно бытовавшим древним обычаем — братчиной.

Братчина — это совместная трапеза членов деревенской общины, устраивавшаяся в складчину: общинный, праздничный пир. Обычай братчины был известен с домонгольских времён (упоминание о нём встречается в былинах: «Пошёл Василий со дружиною, пришёл во братчину во Никольщину» (на Николин день — 19 декабря нового стиля), а в пору монголо-татарского ига он сохранялся преимущественно в монастырях и принадлежащих им крестьянских поселениях. Обычай братчины был традицией внутриобщинной (будь то община монастырская или крестьянская), на которую посторонние лица не допускались, а непрошенные визитёры должны были быть изгнаны.

По свидетельству Н. И. Костомарова, в России в XVI–XVII вв. братчины носили названия сысных, а участники назывались ссыпцами, вероятно, оттого, что в старину каждый участник жертвовал на варение пива и браги зерно. Так как ссыпцов могло быть много, для распоряжения и соблюдения порядка выбирался староста. На братчинах случались порой споры и разногласия, и потому братчинам издавна давали право согласительного суда. Так, в Поповской судной грамоте говорилось: «И брат-

чины судить, как судили». Это право оставлялось братчинам до конца XVII в.

Братчины проводились ежегодно, обычно в дни памяти святых покровителей деревни. Ими могли быть как святые, почитаемые по всей России, такие как Николай Угодник, святой Георгий Победоносец, так и местночтимые, например Косьма и Дамиан у коми. Братчины в память святых покровителей часто назывались по их именам: «Никольщина», «Петровская», «Михайловская», «Власьевская». Во многих деревнях России братчины могли собираться в двенадцатые праздники как в господские, так и в богородичные, а также в престольные праздники. Кроме того, братчины могли устраивать по обету, данному общиной Богу в благодарность за избавление от несчастий, болезней. В южных губерниях Европейской России братчины могли проводиться в дни закладки сельского храма или его освящения. Братчина рассматривалась как дань благодарности святому за его покровительство, в надежде на дальнейшую помощь и заботу, а также как форма чествования его имени.

Братчины, по мнению многих исследователей, были пережитком древних общинных праздников, проходивших возле языческих святилищ. Общинники, обращаясь к богам с просьбой о благополучии, приносили им дары: мясо заколотых у жертвенника животных, кашу, хлеб, пиво, а затем устраивали пиршество во славу богов.

С принятием христианства и его последующим распространением по всей Руси языческие ритуалы модифицировались и приняли иную форму. Языческий обряд жертвоприношений в честь богов был, по всей видимости, перенесён на христианских святых. Вместо языческого святилища пиршество стало проходить около церквей, часовен, в домах священников или церковных старост. Во время молебна произносились молитвы с просьбой о ниспослании благодати на всех членов общины. Для святого покровителя приносились деньги, пиво, хлеб, мясо специально выкормленных животных, заколотых накануне или в день праздника. В некоторых деревнях северных губерний Европейской России мужской праздник, носивший характер общественно-

го пира, являлся вариантом средневековой братчины. Он проводился в летне-осенний период и обычно приурочивался к Петрову или Ильину дню, а также ко дню святых Макария, Власия, Флора, Лавра и к зимнему дню Николая Чудотворца. Празднество, начавшееся днём, к вечеру превращалось в шумную попойку, сопровождавшуюся весельем, пением удалых песен, плясками, выкриками «многие лета».

На Севере России, в Коми крае описываемый обычай в конце XIX в. претерпел изменения. Братины (яندовы) оставались неизменным атрибутом как внутриобщинных праздников, связанных с освящением животных, так и праздников, приуроченных к датам православного календаря — дню Пророка Ильи (Илья лун — Ильин день), дням почитания мучеников Флоры и Лавра, Модеста, Харлампия и прочих святых.

Ковш-братина

Все эти праздники сопровождались церковным богослужением и освящением (окроплением святой водой) домашнего скота. По завершении богослужения следовало жертвоприношение скота (резали бычка, барана, реже — овец), затем варка мяса в общинном котле и совместная трапеза. Трапеза сопровождалась коллективным распитием пива (сура), где братины пускались в круговую. К такому же роду мероприятий относился во второй половине XIX в. обряд «освящения овцы», проводимый в деревнях промысловиками перед отплытием на охоту.

Самой же «братчиной» стал называться праздник, отмечаемый вскоре после ухода охотников на промысел — 1, 2 и 3 ноября, в котором участвовала только молодёжь. По православному календарю праздновался он 1 ноября, в день чудотворцев Космы и Дамиана. В этот день молодёжь устраивала складчину: собиралась вечером после полевых и хозяйственных работ. Девушки приносили из дома муку, мясо, рыбу, готовили еду, приглашали парней и после угощения все веселились. Для этого дня особых песен не было, а пели обыч-

ные посиделочные песни, играли в различные игры, плясали кадрили, барыню. На Печоре это веселье обычно продолжалось один день. В других же местах и в Усть-Сысольске на Кузьму-Демьяна гуляли и веселились три дня подряд.

На Вычегде и на Удоре братчину устраивали в день святого Модеста. Начиналось с того, что подходили к старосте или самому почитаемому гостю и пели песню по-русски или по коми:

*Староста гузыня!
Пересохло наше горло!
Давайте же пива!
Непиваючи так долго!*

Староста приносит яндову (братину) пива, четыре старшие девицы наливают по стакану, выходят на середину комнаты, становятся крестообразно и ходят друг другу навстречу, припевая уже по-зырянски. Де-

вицы выпивают свои стаканы. Их сменяют другие и опять поют, и так до тех пор, пока все участницы братчины не выпьют по стакану пива. После этого девицы, также поочередно, подносят по стакану пива молодым людям, припевая по-русски:

*Пей, лей на здоровье!
По Кирилловскому
По нашему челобитью,
По праву Ненилову!*

Выпив пиво, парни кладут в пустые стаканы деньги. Затем — пляски, игры. В заключение первого дня все девицы, взявшись за руки, поют по-зырянски:

*Кузьма-Демьян, год пришёл,
год пришёл!
Сегодня у нас русский шест
не достаёт,
А завтра ведь у нас и русский шест
достанет;
А послезавтра и серная спичка
достанет!*

В заключение второго дня братчины поётся:

*Вчера у нас русский шест не доставал,
Сегодня у нас русский шест достаёт;
Завтра и серная спичка не скроется.*

В третий день поётся:

*Третьего дня у нас русский шест
не доставал,
Вчера русский шест доставал,
А сегодня серная спичка не скроется.*

Из приведённых примеров видно, что на братчину пиво варилось на большое количество людей, чтобы его хватило не на один день, а на три. В первый день пива так много, выражаясь образно: «даже шестом не достать», во второй день пива меньше, так что «русский шест достанет»; на третий день пива уж так мало, что «серная спичка не скроется». В данном случае пиво являлось результатом переработки нового урожая, становясь тем самым сакральным напитком. В этом смысле братчина связывается с празднованием в честь собранного урожая, окончания полевых и заготовительных работ.

Приготовление пива у коми рассматривалось как священнодействие, своего рода магическая процедура, правильное проведение которой должно было обеспечить успех праздника или обряда, к которому пиво варилось. Особенно ярко это проявлялось при варке пива для коллективных пиршеств, в том числе и братчин. Варка пива проводилась опытными мужиками, которые славились умением приготовления солада и суслы.

Исполняемые на братчину песни назывались «братчина сыланкыв» или «братчина юан сыланкыв» (песня, исполняемая во время проведения братчины). Братчина у коми всегда предполагала совместное приготовление сура и совместную трапезу.

Основным назначением этих посиделок был выбор пары или закрепление пары на год и в будущем зачастую переход этих пар в официальный брак. Братчины, проводимые в разных районах Коми края, имели свою специфику, но в то же время существовала общая схема проведения праздника: разделение обязанностей по половому признаку (парни снимают избу, девушки приносят сур); организация пространства по половому признаку (парни занимают красный угол, девушки находятся у печки); выбор пары и подношение девушками сура парням.

Таким образом, братчина, сохраняя черты осенней обрядности, оказывается вписанной в годовой цикл христианских праздников.

Братчины были излюбленной формой проведения досуга у коми молодёжи ещё в двадцатые годы прошлого столетия. Но местные активисты и культпросветработники приложили немало усилий, чтобы уничтожить эту народную традицию. Тем не менее можно с небольшой долей осторожности предположить, что у русских и у коми в советское время братчины могли трансформироваться в совместные праздники, проводимых в крестьянской среде, где оставались неизменными два первых признака: разделение обязанностей в приготовлении братчины и ритуальная организация пространства по половому признаку. ■

Ида УТКИНА
г. Сыктывкар,
Республика Коми